

Антоний (Храповицкий), архим. Знамение времени:
(«Полунощники». Повесть Н. Лескова) // Богословский вестник
1892. Т. 1. № 2. С. 415–419 (2-я пагин.).

ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ.

(„ПОЛУНОЩНИКИ“. ПОВѢСТЬ Н. ЛѢСКОВА).

Небольшой рассказ известнаго беллетриста, умѣстившійся въ двухъ осеннихъ нумерахъ „Вѣстника Европы“, раздался звонкимъ заушеніемъ Православной Церкви. Смыслъ рассказа заключается въ сравненіи современныхъ религіозныхъ идеаловъ — православныхъ и толстовскихъ. Выводятся представители того и другаго религіознаго склада и раскрывается безусловное якобы превосходство послѣднихъ, даже не превосходство, а полная противоположность! представители православія (отъ лучшихъ пастырей и академическихъ профессоровъ до простолюдиновъ) это сыны тьмы по Лѣскову, а послѣдователи толстовскаго ученія — сыны свѣта, исполненные любви и самоотверженія ученики евангелія (разумѣется въ толстовской передѣлкѣ). Значеніе повѣсти заключается въ томъ, что авторъ сопоставляетъ оба міровоззрѣнія не съ научно-теоретической стороны, по въ ихъ жизненномъ воплощеніи, и притомъ въ лицахъ, не вымышленныхъ, но дѣйствительныхъ: его рассказъ вращается около известнѣйшаго дѣятеля Православной Церкви, на котораго съ благоговѣнною любовью взираетъ весь русскій народъ и вѣрующая часть общества.

Содержаніе повѣсти заключается въ томъ, что авторъ отъ нечего дѣлать поѣхалъ изъ Петербуга въ тотъ городъ, гдѣ живетъ означенный дѣятель Церкви и остановился въ гостиницѣ, устроенной для богомольцевъ, которую онъ называетъ „ожидацией“, отъ слова *ожидать*, т. е. свиданія съ тѣмъ духовнымъ лицомъ. Одна часть рассказа состоитъ въ описаніи гостиницы, а другая большая — въ передачѣ слышаннаго авторомъ чрезъ стѣну разговора изъ сосѣдняго ему номера. Характеръ страннопріимнаго учреж-

денія, или ожидаціи, по автору — весьма неблагоприятный. Завѣдующія гостиницей жепщины самыми шизкими средствами стараются вывѣдать отъ пріѣзжихъ ихъ характеръ и обоготельства жизни, чтобы затѣмъ все это передать духовному лицу и дать ему возможность разыграть роль пророка и сердцевѣдца, а съ простодушныхъ поклошниковъ сорвать побольше денегъ. Впрочемъ и люди-то пріѣзжаютъ къ этому человѣку самые ничтожные: то промотавшіеся пьяница съ цѣлюю паживы, то развратная купчиха, надѣющаяся чрезъ небесную помощь приговорить себя любовника отказывавшагося отъ привольной богатой жизни во имя высшихъ толстовскихъ принциповъ. Купчихѣ этой не спится и она заставляетъ старую приживалку рассказывать какъ та однажды *добывали* поваго пророка для того, чтобы разубѣдить въ толстовскихъ понятіяхъ одну барышню изъ другой купческой семьи и уговорить её выйти замужъ за выгоднаго жениха. Въ этомъ рассказѣ описываются самыми неприглядными чертами развѣзды „духовнаго лица“ по Петербургу, причемъ его вездѣ встрѣчаютъ громадныя толпы народа и путемъ обмановъ, подкуновъ и насилій хватаютъ изъ кареты въ карету и возятъ изъ дома въ домъ. Наконецъ рассказъ приживалки доходитъ до описанія встрѣчи толстовской дѣвицы съ „нимъ“, какъ выражается рассказщица. И что-же? Со стороны дѣвицы высокія рѣчи о любви ко всемъ и самоотверженномъ трудѣ, а съ его стороны правила самой мѣщанской хозяйственной морали, паправленныхъ къ убѣжденію дѣвушки выйти за выгоднаго жениха. Барышня отвѣчаетъ изъ толстовскаго евангелія, что она чувствуетъ въ себѣ новую жизнь и предана другому. Священникъ настолько будто-бы чуждъ евангельскихъ понятій, что понимаетъ это чувство новой жизни въ смыслѣ преступной *беременности* и беретъ назадъ свои совѣты о выходѣ замужъ. Другой ученый столичный священникъ по поводу постоянныхъ ссылокъ барышни на евангеліе злобно сѣтуетъ на современное распространеніе св. Писанія, какъ на главную причину ереси и пытается спорить съ нею слѣдующими quasi академическими приемами. Когда барышня памекнула ему, что наши пастыри — обуявшая соль, онъ „ловко ее осадил“, объяснивъ, что только палестинская соль теряла свою солѣность на солнцѣ а рус-

ская элтонка не может обуять. Не въ лучшемъ свѣтѣ очерченъ академическій профессоръ, проводящій время въ трактирахъ за билліардной игрой съ пьянымъ купчиной скандалистомъ. Толстовцы напротивъ представлены, какъ святые; возрѣнія гр. Толстаго авторъ выдерживаетъ весьма строго: І. Христосъ въ рѣчахъ его героини есть только учитель добродѣтели, а не Сынъ Божій; надъ словами Ап. Павла (совершенно отвергаемаго Толстымъ), авторъ издѣвается; въ частности издѣвается надъ тѣми словами Апостола, которыя постоянно приводилъ въ своихъ поученіяхъ и бесѣдахъ главное лицо разказа — уважаемый народомъ священникъ. Слова эти: „идъже умножися грѣхъ, преизбыточества благодать“, авторъ кощунственно вспоминаетъ при видѣ множества оборванцевъ, мошенниковъ и проститутокъ на улицахъ города, въ который онъ крѣпчалъ. — Послѣдователи новыхъ quasi евангельскихъ сектъ упрекаютъ нашу Церковь въ безжизненности церковныхъ авторитетовъ — въ безплодной, личной аскетической жизни. Послѣдніе годы открыли въ православномъ отечествѣ нѣкоторое новое религиозное движеніе, поднятое дѣлами любви, дѣйственной молитвы и одушевленной проповѣди именно того священника, который выводится въ разказѣ. Движеніе это отрадно именно съ той стороны, что въ немъ объединились и аскетическія преданія среднихъ вѣковъ, и жизненная всеобъемлющая любовь первыхъ вѣковъ христіанства. Съ этой же стороны весьма цѣнны печатныя проповѣди и тившикъ помянутаго пастыря. Подобно твореніямъ Св. Тихона, они выше эпохи и народности: чистое, церковно-евангельское христіанство такъ и дышетъ въ каждой мысли проповѣдника. Его творенія и жизнь отражаютъ въ себѣ именно то царство Божіе, которое Господь принесъ на землю. — Отсюда весьма понятно, что это явленіе современной церковной жизни болѣе всего возбуждаетъ злобу враговъ Православія, распространителей ново-евангельскихъ сектъ. — Отшельники, постышники, дѣвственники, молитвенники и т. п. типы православнаго подвижничества не такъ опасны для успѣха ихъ пропаганды, ибо они не только отрицаютъ такіе подвиги, но прямо глумятся надъ ними. Зато какъ имъ сладить съ этимъ новымъ живымъ доказательствомъ того, что Православная Церковь нисколько не потеряла ни ин-

роты евангельскихъ воззрѣній, ни теплоты любви евангельской, но напротивъ находить въ формахъ своего строя — столь ненавистнаго сектантамъ — вполне подходящее средство для проведенія въ общественнонародную жизнь евангельскихъ идей, такъ-что сектантское разрозненіе и даже противопоставленіе послѣднихъ и нашей бытовой церковности оказывается дѣломъ или недоразумѣнія или даже злостнаго навѣта.

Г. Лѣсковъ, никогда не державшійся православныхъ воззрѣній въ своихъ религіозно-бытовыхъ очеркахъ, всегда любилъ противопоставить церковныя понятія съ евангельскими и понемпожку конуствовать: даже его „Соборяне“ не чужды такихъ приѣмовъ. Теперь-же, когда онъ изъ мистика пашковского пошиба, послѣ періода отчаяннаго увлеченія спиритизмомъ, примкнулъ къ воззрѣніямъ гр. Толстаго, очевидно ему пришло въ голову разгромить наиболѣе живучій оплотъ православной современной жизни. Задача конечно заманчивая для сектанта и достаточно увлекательная, чтобы подвигнуть стараго болтуна даже — на черную клевету. — Дѣйствительно, довольно раскрыть любую проповѣдь очерненаго пастыря, чтобы понять, какъ далеко отъ истины обвиненіе его въ непониманіи тайнъ христіанскихъ и въ частности евангельскихъ словъ о новой благодатной жизни, о возрожденіи. Смѣемъ завѣрить г. Лѣскова, что это ученіе (конечно не въ пантестическомъ смыслѣ гр. Толстаго), есть постоянная тема его поученій и частныхъ бесѣдъ и именно ею озаглавленъ его дневникъ въ печатномъ изданіи: эта-же мысль о христіанскомъ возрожденіи чрезъ познаніе жизни и воли Божіей заключается въ осмѣяномъ у Лѣскова изреченіи Ап. Павла: *„идѣже умножится грѣхъ, преизбыточества благодати“* (Римл. 5, 20) — та-же мысль, которая лежитъ въ основаніи притчи „о Блудномъ Сынѣ“. Что касается до пресловутой „ожиданціи“ и пророческихъ шантажей, то при всей предусмотрительности клеветы для цѣлей популяризаціи *), надо сказать, что она совершенно не достигнетъ цѣли по отношенію къ людямъ, знающимъ очерняемаго пастыря, потому-что всеѣмъ имъ извѣстно, что этотъ пастырь всегда укло-

*) Авторъ обращается къ наилучшему, хотя и неразборчиво выбранному средству — къ циничной скабрзности.

нается отъ роли оракула, предсказателя будущихъ судебъ, хотя многіе почитатели стараются поставить его въ такое положеніе.

Извѣстно также всеѣмъ знакомымъ съ толстовщиной и н то обстоятельство, что даже настоящіе послѣдователи новаго ученія, составлявшіе земледѣльческія общины, никакъ не могутъ похвалиться тою внутреннею удовлетворенностью или воспріятіемъ „новой жизни“, съ которою они изображены у Лѣскова: напротивъ того, искреннѣйшіе между ними съ горькимъ воплемъ отчаянія признаются въ неспособности исполнять требованія нравственнаго долга и тѣмъ ясно свидѣтельствуютъ о невозможности спастись безъ благодати, какъ объяснилъ отвергаемый ими Апостоль (Римл. 7, 14 — 25). Такимъ признаніемъ служить извѣстное „Письмо“ самого гр. Толстаго къ Гильдебранту, а также корреспонденціи изъ „общинъ“, помѣщавшіяся нынѣшнею осенью въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ одною изъ послѣдовательницъ секты.

Въ теоретическихъ построеніяхъ можно отстаивать заблужденія, но практика нравственной жизни общественной и личной всегда будетъ подтверждать слова Гамалиіла (Дѣян. 5. 34 — 40), и мы знаемъ, что вопреки тенденціозной повѣсти Лѣскова, толстовскія общины распадаются чрезъ два, много три года. Православный пастырь конечно ничего не потеряетъ отъ клеветъ Лѣскова: было-бы слишкомъ странно, чтобы такой видный дѣятель не былъ-бы никѣмъ очерненъ, когда даже о Спасителѣ *„ови глаголаху, яко блазъ есть, ниин-же глаголаху: ни, по льститъ народы“* (Іо. 7, 13). Мы обращаемъ вниманіе читателей на выходку Лѣскова съ тою цѣлью, чтобы показать, чего боятся наши секты, съ чѣмъ онѣ могутъ бороться только посредствомъ клеветы *) и чему злорадно смѣются: подъ послѣднимъ разумѣемъ нападенія автора не на главную личность повѣсти, а на другіе типы. Ясно отсюда и то, въ какую сторону должны быть направлены наши миссіонерскія силы. Въ этомъ смыслѣ повѣсть Лѣскова есть знаменіе времени, а ненавистное ему явленіе нашей церковной жизни — образъ для послѣднаго подражанія памъ и мечъ истребленія для сектъ.

Архимандритъ Антоній.

*) Къ чести толстовцевъ—надо оговориться—подобное средство не употребляется ими почти никогда.